

Реконфигурация геополитических интересов в Грузии: столкновение стратегий США, СК и РФ

Комментарий Центра АРВАК, 09.04.2026

Аннотация

АРВАК анализирует резкую активизацию грузинского вектора в политике ключевых мировых акторов на фоне иранского кризиса. Рассматривается трансформация Грузии в безальтернативный коммуникационный узел «Срединного пути» и связанные с этим попытки США перезагрузить отношения с Тбилиси. Исследуются нарастающие противоречия между прагматичным подходом Вашингтона и радикальной линией Лондона, направленной на смену режима в республике. Особое внимание уделяется возможному негласному консенсусу между США и РФ по стабилизации Южного Кавказа и его влиянию на британские планы по созданию «Южного фронта».

Ключевые слова: геополитика, Южный Кавказ, Грузия, «Срединный путь», США, Великобритания, Россия, «План анаконды», региональная безопасность, Иранский кризис.

1. Грузия как критический узел «Срединного пути» в условиях иранской турбулентности

В своем [комментарии](#) от 23 марта 2026 года Центр АРВАК уже затрагивал тему экстренной разработки США плана по перезагрузке отношений с Грузией и поиску способов восстановления утраченных позиций в данной республике. В качестве ключевого мотива активизации грузинского направления во внешнеполитической повестке Вашингтона была обозначена возрастающая, на фоне иранского конфликта, стратегическая роль этой южнокавказской республики в системе торгово-энергетических коммуникаций «Срединного пути».

Независимо от исхода боевых действий против Исламской Республики Иран (ИРИ), Тегеран на годы вперед оказался в зоне повышенной турбулентности и риска, несмотря на оптимистичные оценки ряда экспертов относительно «окончательных» мирных переговоров между Вашингтоном и Тегераном. Таким образом, перспективы трансформации Ирана в ключевой хаб китайской инициативы «Один пояс, один путь» оказались под вопросом, учитывая сложность прогнозирования ситуации в самой стране, а также в регионах Ближнего Востока и Центральной Азии в целом, где сохраняются угрозы дестабилизации вследствие инициированной американо-израильской коалицией антииранской военной кампании.

Помимо прочего, нарушение прежнего баланса и системы безопасности в Персидском заливе спровоцировало дефицит углеводородов на международном рынке и рост фьючерсов, что чревато переформатированием сложившейся системы спроса и предложения в мире и усилением позиций поставщиков альтернативной нефти и газа из Африки, Латинской и Северной Америки, Северной Европы и Средней Азии. В свете данных обстоятельств сосредоточение внимания США на Грузии представляется логичным, поскольку эта республика приобретает статус единственного надежного коридора торговых коммуникаций Китая с Европой в обход России и Ирана, а также может обеспечить стабильный доступ к энергетическим ресурсам Каспия и Центральной Азии.

2. Дивергенция подходов Вашингтона и Лондона к грузинскому вопросу

Дополнительным подтверждением того, что процессы на Ближнем Востоке резко повысили геостратегическую ценность Грузии, стал сигнал из Соединенного Королевства. Менее чем через месяц после визита грузинской парламентской делегации во главе с председателем комитета по международным отношениям Николозом Самхарадзе в США, целью которого было обсуждение путей возобновления и укрепления стратегического партнерства между Вашингтоном и Тбилиси, Лондон обозначил свою позицию в отношении Грузии. В частности, был дан сигнал о намерении Соединенного Королевства продвигать свои интересы в этой республике, как и ранее, радикальными методами.

29 марта 2026 г. комитет Палаты общин Соединенного Королевства по иностранным делам выступил с резким предупреждением о риске трансформации Грузии в подконтрольное Российской Федерации (РФ) *«автократическое государство»*. В официальном докладе, опубликованном по итогам анализа региональной ситуации, комитет Палаты общин прогнозирует для Грузии перспективу стать *«второй Белоруссией»*, прочно интегрированной в сферу стратегического влияния Москвы. Тем самым британские парламентарии продемонстрировали, что Соединенное Королевство, как и Соединенные Штаты Америки, признает возрастающую значимость Грузии в контексте недавних событий на Ближнем Востоке и продолжающегося конфликта на Украине. Однако, в отличие от США, Великобритания не усматривает перспектив налаживания доверительных и партнерских отношений с действующим правительством в Тбилиси, которое расценивается как *«проводник интересов Кремля»*. По мнению британских политиков, партнерство коллективного Запада с Грузией возможно только при обязательном условии *«смены режима»* в Тбилиси, однако Вашингтон, как видно, данную позицию игнорирует.

3. Российский вектор и стратегия нормализации отношений

Наконец, в стремительно развивающиеся политико-дипломатические дискуссии вокруг Грузии включилась и Москва. 1 апреля 2026 г., спустя три дня после доклада британских парламентариев, на полях российско-узбекистанской конференции клуба *«Валдай»* заместитель министра иностранных дел России Михаил Галузин заявил, что Москва в целом удовлетворительно оценивает динамику восстановления отношений с Тбилиси. По словам чиновника, курирующего южнокавказское направление МИД РФ, несмотря на наличие известных сложностей, Москва готова *«идти по пути нормализации отношений настолько далеко, насколько готовы идти в Тбилиси»*. Заявление Галузина можно интерпретировать как демарш в отношении британской стороны, демонстрирующий анахроничность и бесперспективность позиции Лондона, особенно в свете взвешенной политики легитимных грузинских властей. Последние, несмотря на существующие разногласия и противоречия как с соседями, так и с глобальными геополитическими центрами силы, реализуют стратегию балансирования и ищут пути налаживания конструктивного взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами.

Таким образом, грузинское направление вновь оказалось в фокусе пристального внимания ключевых геополитических акторов на Южном Кавказе. Анализ риторики Вашингтона и Москвы позволяет констатировать: обе столицы не только демонстрируют

готовность к перезагрузке отношений с Тбилиси, но и на прикладном уровне ведут поиск и фиксацию точек соприкосновения многоплановых интересов с Грузией в контексте новых геополитических реалий. И США, и Россия стремятся по возможности реанимировать конструктивные связи с Тбилиси, утраченные в разные периоды: Москвой – после августовской войны 2008 г. в Южной Осетии, Вашингтоном – после инициирования партией «Грузинская мечта» в 2023 г. резонансного законопроекта «О прозрачности иностранного влияния» («Закон об иноагентах»).

4. Вероятность американо-российского консенсуса и эрозия британского влияния

В то время как Российская Федерация на протяжении ряда лет прилагает усилия для полного выведения своих отношений с Грузией в конструктивное русло, Соединенные Штаты лишь в последние месяцы определили аналогичный вектор, что, как отмечалось выше, обусловлено дестабилизацией на Ближнем Востоке. Очевидно, в Вашингтоне, ввиду дефицита времени, приняли идею о бесперспективности смены легитимно избранной власти в Грузии и неэффективности ставки на революционный сценарий с участием радикальной оппозиции. Поддержка США в кооперации с европейскими союзниками в отношении радикально-либеральных сил в Грузии лишь содействовала медленному, но очевидному смещению Тбилиси в сторону Пекина и, в определенной мере, Москвы. Следовательно, республиканцы в США, учитывая усталость грузинского общества от революционных потрясений и новую геополитическую реальность в регионе, отказались от стратегии жесткого давления на официальный Тбилиси, характерной для администрации Дж. Байдена, в пользу компромиссного подхода. Можно также предположить, что новая стратегия Вашингтона была согласована с Москвой, и стороны достигли негласного консенсуса относительно учета взаимных интересов на грузинском направлении, что предопределяет необходимость соблюдения баланса допустимого влияния на указанную южнокавказскую республику.

Если данная версия соответствует действительности, это свидетельствует о стремлении России и США уравновесить растущее влияние Китая на Грузию и фактически вытеснить из этой страны Европейский союз, к радикальной политике которого присоединяется, а возможно, и направляет Великобритания. Консенсус между Белым домом и Кремлем относительно сбалансированного распределения сфер влияния в Грузии способен окончательно нивелировать британские намерения по эскалации украинского противостояния за счет вовлечения Южного Кавказа в конфликт с Российской Федерацией («Второй» или «Южный фронт»), а также ограничить интересы британо-европейского капитала в Каспийском регионе и Центральной Азии. Очевидно, именно это послужило причиной того, что доклад комитета Палаты общин парламента Соединенного Королевства был составлен в жестких формулировках и предназначался не столько для предупреждения самого Тбилиси, сколько для выражения упрека в адрес Вашингтона. По сути, Лондон дал понять, что США отступают от идеи совместной борьбы за смену власти в Тбилиси, либо за ее полное следование установкам Запада, направленным на разрыв любых отношений с Москвой. Лондон крайне возмущен фактическим выводом Тбилиси из изоляции, который в настоящее время осуществляет

Вашингтон, спешно разрабатывая программу перезагрузки отношений с Грузией.

Тем самым грузинская повестка демонстрирует еще одну точку разлома в отношениях США и Соединенного Королевства, которую Центр АРВАК затронул в [материале](#) от 27 марта 2026 года. В соответствии с рассмотренными в указанном комментарии базовыми мотивами противоречий, расхождения по Грузии – это не вопрос локальной конкуренции за влияние на республику, а следствие в корне разнящихся взглядов США и Соединенного Королевства на роль РФ и КНР в новом миропорядке. Утратив возможность вовлечь Тбилиси в антироссийский фронт, Великобритания и ее союзники в ЕС будут вынуждены констатировать факт своего поражения на Украине и крах планов по дестабилизации российских границ от Балтики до Центральной Азии.

Фактически главным актором срыва этой программы являются именно США, которые во многом стояли у истоков создания так называемого «плана анаконды». Теперь Вашингтон сознательно разрушает собственную «доктрину сдерживания России», осуществив нападение на Иран, поставив Европу перед лицом энерго-экономического кризиса, поставив под сомнение значимость НАТО и декларировав отказ от финансовой и военной поддержки Украины.

5. Крах «Плана анаконды» и финансово-экономические риски Лондона

Пересмотр грузинской политики – всего лишь один элемент в перестройке всей глобальной доктрины США, однако настолько существенный для Великобритании, что Лондон не преминул обратиться к нему с особо подчеркнутой негативной реакцией.

В Лондоне, очевидно, имеются все основания опасаться, что с легитимацией США ныне действующих властей в Тбилиси, Соединенному Королевству придется смириться не только со срывом «Плана анаконды», но и ощутить критическую угрозу своим финансово-экономическим интересам в Каспийском регионе и, прежде всего, в Азербайджане и Казахстане. Ни Даунинг-стрит, ни Палата общин парламента Соединенного Королевства не могут позволить себе открыто озвучить истинные причины разочарования действиями США и опасений за судьбу своих активов в регионе после слома «грузинской игры». Поэтому фактически единственным мотивом недовольства складывающейся в Грузии ситуацией британские парламентарии в своем резонансном докладе вновь назвали отход этой страны от ценностей демократии и вовлечение в «авторитарный вектор».

С учетом географической близости Грузии к столь явно авторитарному государству, как Азербайджан, выдвигаемые в адрес Тбилиси обвинения неизменно вызывали сомнения даже в британском экспертном сообществе и среди части британских политиков. В отличие от Грузии, Азербайджан никогда не воспринимался официальным Лондоном как страна, не соответствующая критериям либерализма, демократических ценностей и соблюдения гражданских и личных свобод.

Причиной применения различных стандартов в подходах Соединенного Королевства к южнокавказской проблематике являлись масштабные капиталовложения в энергетический сектор Азербайджана, что выгодно отличало в глазах Лондона «легитимность» азербайджанских властей по сравнению с грузинскими и армянскими. Заложенная в основу политики давления на Тбилиси риторика об антидемократичности и

авторитаризме сменившего команду М. Саакашвили во власти «режима» Б. Иванишвили всегда воспринималась независимыми экспертами со скептицизмом и оценивалась как формальный повод для вмешательства в грузинские дела.

6. Девальвация демократического инструментария и фактор церковного транзита

Однако если до зимы 2025 г. «формальный повод» обеспечивал хотя бы видимость легитимности политического давления на Тбилиси, то, по оценке аналитиков, с приходом к власти в США Д. Трампа риторика о демократии и либеральных ценностях утратила актуальность и значимость в международной повестке. Внешнеполитический стиль лидера «демократического лагеря» – Соединенных Штатов – при Д. Трампе радикально девальвировал прежде эффективный инструмент воздействия Запада на глобальную геополитику и легитимизации собственной повестки. Последние события в Латинской Америке и на Ближнем Востоке усугубили процесс девальвации международного права и демократической риторики. На этом фоне заявления британских политиков о якобы имеющем место отходе Грузии от «*демократических ценностей*» представляются крайне диссонирующими с объективной реальностью. По оценкам ряда экспертов, данная симптоматика является весьма показательной и свидетельствует о кризисе политического мышления в Соединенном Королевстве. По их мнению, британская политика демонстрирует признаки утраты адаптивности в условиях стремительно меняющихся мировых реалий и по-прежнему оперирует нормативами, уже ставшими историко-политическим анахронизмом.

В дополнение к вышеизложенному следует особо отметить, что в период параллельной активизации грузинского вопроса во внешнеполитических повестках США, Великобритании и России в Тбилиси на 94-м году жизни скончался Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II. В настоящее время преждевременно судить о том, в какой мере это событие повлияло на динамику интенсификации действий указанных стран по отношению к Тбилиси. Однако, принимая во внимание неоспоримый авторитет Патриарха и традиционно сильное влияние Грузинской Православной Церкви на общественно-политические настроения в стране, можно заключить, что его кончина явилась политическим фактором, оказывающим в той или иной степени влияние на внутривнутриполитическую ситуацию. Другим, и, очевидно, еще более значимым политическим фактором станут выборы нового Католикоса-Патриарха. Вероятно, как власти и оппозиция в Грузии, так и их внешнеполитические партнеры и союзники попытаются использовать этот процесс по мере своих возможностей для конструирования собственной повестки или подрыва позиций оппонентов.